

Вирус бедности

Сегодня мы поговорим о таком явлении, как бедность. Эта тема возникла потому, что это понятие существенно изменилось за последние 30-40 лет. Оказывается, бедность не абсолютна, а относительна. Бедность познается в сравнении. Настоящая нищета и голод для молодых людей и тем более их детей – понятия абстрактные, но наши дедушки и бабушки помнят голодные военные и послевоенные годы. Многие взрослые не могут забыть талоны и острый дефицит на продукты потребительской корзины, такие как мясо, рыба, масло, сахар, колбаса. Голод ушел. Сегодня даже бомжи не голодают и не ходят в обносках. Они одеваются в старые выброшенные вещи, но вполне пригодные к использованию.

Во многих семьях возникла проблема утилизации ношенных вещей, которые просто вышли из моды или надоели их владельцам. Хочется покупать новое, а шкаф не резиновый. В начале 2000-х сбывать старые куртки и брюки, особенно обувь не было проблемой, – все это было востребовано в деревнях и в бедных городских семьях. Различные благотворительные фонды и общественные организации принимали одежду, обувь, игрушки и раздавали малоимущим. Люди испытывали удовлетворение от того, что помогли кому-то, да и вещи жалко выбрасывать, а так – и добро, и польза. Одна дама из благотворительного фонда жаловалась, что последние 2-3 года у них проблема: все склады завалены секондхэндом, а никто не берет. Если раньше малоимущие расхватывали все подряд, то теперь они копаются, выбирают самое новое и добротное, и берут немного вещей – так как у них уже все есть. В деревнях то же самое.

Городские все еще находятся в иллюзиях, что селянкам на праздник одеть нечего. Но вот он – сельский праздник. Посмотрите на мужчин и особенно на женщин. Все они в дорогих костюмах и платьях. Причем, одежда выглядит нарочито богато. Бархат, вышивка люреком, кружева, дорогие шелка. Пусть это сельский кич, но это так. В городах такое уже не носят. Там важен бренд, марка, стиль, иными словами – изыски.

Все это я говорю к тому, что мы слегка зажирели и забыли, что такое голод и нищета. Можно сказать, наступило не насыщение, а пресыщение. Не для всех, конечно, но для многих. Люди перестали беречь вещи, мебель, легко выбрасывают еще годные продукты. Сначала набирают корзинами, а потом, чуть стало несвежим, безжалостно выкидывают на помойку. У пожилых людей это вызывает горечь. Они знают, что нельзя выбрасывать хлеб, сердце кровью обливается...

Жить стали лучше, сытнее. Уровень бедности в стране за последние 15 лет снизился вдвое. В Тюмени (по данным наших исследований) слой бедных составляет 12 % - против 33% в начале века. Однако новые бедные не голодают и не ходят в рваном и грязном. Даже те люди, которые побирающиеся на паперти, на вокзалах, специально одеваются в костюм нищего, гримируются, чтобы вызвать жалость, сочувствие и получить подаяние. Видите, до чего мы дожили – костюм нищего!

Но тема дня у нас еще не раскрыта. Суть не в том, что мы стали материально достаточными – переступили порог прожиточного минимума, а в том, что бедность как философское понятие стало разрастаться в наших умах. Иными словами, многие начали чувствовать себя беднее прежнего, и количество этой новой бедности растет в геометрической прогрессии.

Бедными чувствуют себя более половины наших граждан. И они от этого страдают не меньше, чем от голода и нищеты. Исследователи в недоумении. Новая бедность – феномен, о котором, в частности, писал Дмитрий Соколов-

Митрич, сродни галлюцинациям. Автор приводит такой пример: кто беднее – старушка, живущая в трехкомнатной квартире в центре города, у которой вся пенсия уходит на квартплату, или молодой менеджер, приехавший пообедать в кафе и имеющий Грант Чероки, но снимающий квартиру без всякой перспективы купить ее? Все относительно. У старушки нет долгов, но есть дорогая недвижимость, а молодой человек весь в кредитных историях. Поставьте их рядом и сравните. Молодой человек выглядит богатым, а пенсионерка – бедной, хотя в действительности все наоборот. Бедность и богатство сегодня – это иллюзия. Как улыбка у иностранца. Вы думаете, что вы ему нравитесь, а это всего лишь маска вежливости. Вот так под маской бедности живут вполне обеспеченные люди, и в обертках богатства – минус обеспеченные – те, кто даже не на нуле, а в минусе – в общем зачете доходов и расходов. Если сделать расклад по возрасту, то становится очевидным, молодые тратят больше, чем зарабатывают, а пожилые – наоборот: имеют больше, чем тратят. Вот такая обратно пропорциональная зависимость. Но, поскольку все люди, особенно по линии рода, связаны между собой, как сообщающиеся сосуды, то должны происходить процессы переливания из сосуда обеспеченных в долговую яму не обеспеченных. Возникает образ Раскольникова – это крайний вариант, а на среднестатистическом уровне – разорение имущих родителей, бабушек и дедушек в целях погашения кредитов юных потребителей.

Теперь мы понимаем, что бедная молодежь одержима вирусом потребления, которое ложится бременем на старшее поколение. А все потому, что молодежь, будучи сытой и одетой, все время ощущает свою бедность, сравнивая себя с другими. Эталон для сравнения всегда есть в кинематографе. Первые заболевшие вирусом бедности, в истоке которого стоит обычная зависть, начинают приобретать товары высокой ценовой категории – машины, квартиры, шубы, путевки. Другие начинают им подражать. Этим другим хватило бы ума не подражать героям мыльных сериалов, ведь они виртуальны, а вот когда одноклассники пакуются в алые паруса, это уже невыносимо. А что я – хуже Петьки? Или – Алка ездит на Лексусе, а Ане купили проездной? Кошмар! Подражательство всегда было признаком молодости. Вы скажете – от глупости и отсутствия ума. Опять же – нет. Молодые куда как умнее нас, взрослых. Они больше знают о современном мире, вращаются в нем, как золотые рыбки в аквариуме, быстро адаптируются к новшествам. Они проворнее и мобильнее, смелее и активнее. Первые во всем. И в потреблении тоже.

Юноши и девушки страдают от НЕ обладания собственным имуществом не меньше, чем страдали их сверстники в прошлом от простого недоедания. Тот червь, который точит современную молодежь, куда как больше, страшнее и ненасытнее. Он грызет не желудок, а мозг. Тот факт, что мы победили голод, – это повод не расслабиться, а напрячься. Ведь возникли другие потребности, удовлетворить которые куда сложнее, особенно если ненасытен мозг. То же самое происходит и со старшим поколением. Их тоже точит червь, но иначе. Они мучаются от того, что, стоит прекратить работать, сразу же наступит нищета. Жить на одну пенсию невозможно. Так думает среднее поколение, неумолимо идущее к пенсионному возрасту. Их терзает перспектива бедности. Они так много работают, устают, крутятся, как белки в колесе, но не могут позволить себе роскошь, которую легко позволяют себе их дети. Надо создать задел на безбедную старость! Это аксиома. Дети, опутанные кредитами, им не опора. Как бы последнее не отобрали. Вот погасим сыну ипотеку и начнем! Будем откладывать и наращивать свои капиталы. Не тут-то было. После одной ипотеки начнется другая – еще более обременительная, ведь у сына семья, и она растет. А там уже и внукам учиться надо, а потом – жениться.

Богаты те родители, у которых дети – самодостаточны. Это огромное достояние. Можно планировать, откладывать, жить достойно, не залезая в долги. Этому можно поучиться у бабушек. Они как-то умудряются жить на одну пенсию, да еще и денежку копить. И при этом кушают здоровую пищу: кашку, супчики, ватрушки с творогом. Это самое мудрое поколение. А теперь вернемся к истокам темы. Среди тех, кто не чувствует себя бедным, больше всего – пожилых людей, которым за 65 лет. Вот у кого с мозгами все в порядке. Они не могут позволить себе икру с осетриной, но живы и здоровы, слава Богу, насколько позволяет возраст. Они протестуют против расточительства и безумного потребления своих внуков. У их детей, которым за 40-50, – расходы вынужденные, но дебит-кредит держится хотя бы на нуле, а у внуков – молодых людей – такая бедность в головах, что хоть святых выноси! Вот такая у нас картина современной бедности. Одним словом – вирус.

2013 г.